

Щемелев Артем Владимирович

ФЕНОМЕН ФРАКИЙСКОГО ВСАДНИКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье приводится обзор историографии по проблематике, связанной с интерпретацией изображений Фракийского Всадника на рельефах, найденных на территории древней Фракии. Изучению так называемой загадки Фракийского Всадника были посвящены работы многих отечественных и зарубежных историков конца XIX - начала XXI в., однако комплексное изучение историографии данного вопроса до сих пор не предпринималось. В настоящей статье представлен краткий обзор работ по означенной проблематике, их можно условно разделить на несколько групп в зависимости от освещаемых аспектов темы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-209. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(398.9)

Исторические науки и археология

В статье приводится обзор историографии по проблематике, связанной с интерпретацией изображений Фракийского Всадника на рельефах, найденных на территории древней Фракии. Изучению так называемой загадки Фракийского Всадника были посвящены работы многих отечественных и зарубежных историков конца XIX – начала XXI в., однако комплексное изучение историографии данного вопроса до сих пор не предпринималось. В настоящей статье представлен краткий обзор работ по означенной проблематике, их можно условно разделить на несколько групп в зависимости от освещаемых аспектов темы.

Ключевые слова и фразы: древняя Фракия; религия; культ; Фракийский Всадник; votивные и погребальные рельефы; иконография.

Щемелев Артем Владимирович*Московский городской педагогический университет**artemvshchemelev@gmail.com***ФЕНОМЕН ФРАКИЙСКОГО ВСАДНИКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ[©]**

Погребальные и культовые памятники Причерноморского региона античного периода традиционно привлекают внимание исследователей. Значительное место среди них занимают рельефы с изображением фигуры Всадника, что установлено еще в XIX столетии, когда на основе древнефракийского археологического материала были выявлены первые важнейшие закономерности.

Название «Фракийский Всадник» носит условный характер: его используют для обозначения изображений конников, встречающихся преимущественно на погребальных и культовых памятниках, обнаруженных на территории Фракии, Мезии и сопредельных областей (известняковые или мраморные надгробные стелы и мраморные посвященные плитки, предназначавшиеся для украшения стен святилищ). Эти памятники относятся к периоду IV в. до н.э. – IV в. н.э., при этом значительная часть появилась во II–III вв. н.э., в период римского владычества. Изображения Фракийского Всадника также известны с V в. до н.э. в тореитике, позднее – на монетах, терракотовых статуэтках, но они не столь многочисленны. Рельефы найдены более чем в 350 местах [8, с. 159], главным образом на Балканах, в Малой Азии, Крыму и других регионах. Число находок превышает 3000 [69, с. 129], значительная часть известного археологического материала введена в научный оборот. Около трети из всех известных рельефов снабжены надписями, которые также представляют интерес для учёных. Термин «Фракийский Всадник» («cavalier thrace») впервые встречается у исследователя античности А. Дюмона [72] в отчетах по результатам раскопок 1868–1869 гг. во Фракии.

Начиная с последних десятилетий XIX в. зарубежными и отечественными историками было опубликовано большое число работ, так или иначе затрагивающих вопросы, связанные с изображением Фракийского Всадника. Их тщательное рассмотрение и анализ позволили сделать ряд выводов. Все исследования можно условно разделить на несколько групп в зависимости от освещаемых аспектов проблемы.

К первой группе работ стоит отнести труды преимущественно описательного характера, в которых собственно и вводятся в научный оборот важнейшие источники – фотографические изображения памятников, содержащих образ Фракийского Всадника. В первую очередь, это сборник болгарского историка Г. Кацарова [82]. Предложенная им оригинальная классификация иконографических схем рельефов Фракийского Всадника долгие годы служила отправной точкой и опорой для многих исследователей (однако в последние годы этот принцип классификации осторожно ставится под сомнение). Немецкий антиковед Э. Пфуль почти в одно время с Г. Кацаровым также занимался систематизацией памятников, однако его труд был издан спустя годы после его смерти историком Х. Мебиусом [88] с изменениями и дополнениями. Предложенная ими классификация рельефов впоследствии почти не использовалась. Оба названных труда, вышедшие весьма ограниченным тиражом, давно стали библиографической редкостью.

В нашей стране изучению рельефов Фракийского Всадника уделил внимание академик М. И. Ростовцев, который на основе некоторых найденных в ходе раскопок материалов одним из первых высказал гипотезу о возможных иранских и скифских корнях этого явления [44; 45; 46; 89]. Так, уже в начальный период исследований было выдвинуто положение о многозначности интерпретаций образа Фракийского Всадника.

Огромную работу по сбору источников предприняли в 1970-е гг. немецкий исследователь М. Опперманн и болгарский историк З. Гочева, участвовавшие в создании фундаментального собрания памятников [68] с сопроводительными комментариями к ним [79; 80; 81]. Академик Болгарской АН М. Опперманн является ведущим специалистом в области изучения феномена Фракийского Всадника, выпустившим ряд статей и монографий [38; 39; 85; 86; 87]. Высокая значимость всех вышеназванных работ не вызывает сомнений.

Определенный всплеск интереса к освещаемой проблеме произошел во второй половине – конце XX в., когда «монументальные публикации» прежних лет сменились рядом менее масштабных по объему исследований, посвященных отдельным аспектам, связанным с феноменом Фракийского Всадника.

Рассмотрению данной проблемы, чрезвычайно сложной, в том числе по причине отсутствия источников нарративного и других типов, посвятили свои труды многие зарубежные авторы. В центре внимания болгарских

историков Г. Тончевой [56], З. Гочевой [8; 12; 75; 76; 78], Д. Ботевой [1; 2; 66; 67], Т. Стоянова [52; 91], Н. Димитровой [71] и других стоят вопросы интерпретации образа Фракийского Всадника посредством анализа иконографии. Эти работы можно условно отнести ко второй группе исследований. В них приводятся различные версии и трактовки изображаемых героев и сцен, ведутся поиски закономерностей и параллелей. Примечательно, что большинство исследователей при этом не делают разграничений между изображениями на votивных и погребальных памятниках, рассматривая их как явления одного ряда. Между тем, назначение монументов различно, что вполне может говорить о разной роли изображений.

В данной группе работ следует особо выделить публикации Д. Ботевой. Их прежде всего отличают опора на широкую источниковую базу, отсутствие стремления к общим выводам на основе отдельных частных случаев. Кроме того, Д. Ботева предприняла попытку сформулировать новые подходы к классификации рельефов Фракийского Всадника. Критерии Г. Кацарова автор называет «формальными» и предлагает классификацию, основанную на вводимых ею понятиях «изображение-картинка» («représentations-images») и «изображение-повествование» («représentations-récits») [66, p. 112]. Однако фокусировка на исследовании собственно изображений подтолкнула к углубленности в «систему символов», но, к огромному сожалению, в отрыве от исторического контекста. Такой подход привел автора к ряду довольно неожиданных выводов (например, утверждает, что главенствующую позицию во фракийском пантеоне занимало божество-змея [Ibidem, p. 115]).

Другую группу научных трудов составляют работы, в которых акцент сделан на рассмотрение смежной стороны проблемы – культовой. Кому именно посвящено изображение Всадника? Кого или что Всадник символизирует? Поклонялись ли ему как божеству, или он изображал конкретного человека, являясь персонифицированным образом? А если он считался божеством, то какое место занимал во фракийском пантеоне? Какой смысл несут в себе изображения женщин (а также предметов, животных и др.), иногда появляющиеся рядом с Всадником? Ответ на эти и другие вопросы пытаются отыскать историки И. Венедиков [4; 5; 94], И. Маразов [31; 32; 33; 34; 35], М. Тачева-Хитова [55; 92], З. Гочева [9; 10; 11; 12; 75; 77], Н. И. Соловьянов [48; 49; 50], П. Д. Диатроптов [18; 19], Д. Гергова [7], П. Делев [69; 70] и др. Предположения исследователей довольно сильно разнятся. Назовем вкратце лишь основные: Всадник – это героизированный умерший; посредник между живыми и мертвыми; божество, охраняющее захоронения; защитник от земных зол; особое исконно фракийское божество; многофункциональный образ, вобравший в себя разных божеств (в том числе греческого и римского происхождения, таких как Аполлон, Дионис, Асклепий, Артемида и др.); властитель Вселенной. И, наконец, высказываются даже предположения о том, что Всадник у фракийцев стал неким единым богом, консолидирующим функции многих божеств и знаменующим переход «к известному монотеизму» [9, с. 143].

Румынские историки сделали многое в изучении античной Дакии, не обойдя стороной также и некоторые аспекты религиозной и культурной жизни гетов. В. Сирбу и Г. Флореа [90], М. Александреску-Виану [65] и другие по результатам археологических исследований рассуждают о роли Всадника во фракийском пантеоне.

Представляется, что максимальное приближение к истинной сути вещей должно быть основано на привлечении данных, способных отразить всю полноту культурной, религиозной и обрядовой составляющих. Кроме того, необходимо преодолеть характерную для многих работ углубленность в культовый аспект при невнимании к вопросам общественно-политической жизни, в частности, к особенностям взаимодействия местного фракийского населения с пришлым греческим, римским, кельтским и другим, к проблеме взаимопроникновения культур, наблюдавшейся на протяжении сложного и длительного периода IV в. до н.э. – IV в. н.э.

Высказывая разные точки зрения о значении, которое могли придавать образу Всадника жители античной Фракии, исследователи практически единодушно подчеркивают особую значимость коня и огромную роль, которую играл его образ в древних обществах. О параллелях в восприятии символа коня на Древнем Востоке и во Фракии говорится в статьях Д. Попова [40], М. Издмирского [24], работе В. Б. Ковалевской [27].

Изображение Фракийского Всадника столь загадочно, что привлекает внимание не только историков, но и филологов. Так, например, российским академиком В. Н. Топоровым [57; 58] предложено оригинальное объяснение композиции рельефов Фракийского Всадника как схемы «мирового дерева» (то есть ритуала, где Всадник является жрецом-царем, готовящимся к обряду жертвоприношения, а не просто вооруженным воином).

Еще одну группу исследований составляют работы, в которых Фракийский Всадник упоминается в связи с так называемым Боспорским Всадником. Значительной проблемой историографии являются вопросы генезиса двух типов конников и их родства. Еще в начале XIX в. было обнаружено большое количество рельефов, словно повторяющих изображение Фракийского Всадника за пределами собственно Фракии. Научные изыскания позволили установить, что иконография Фракийского Всадника привнесена на эти земли (Полунавье, юго-западная часть Крымского полуострова и др.) фракийскими уроженцами, пришедшими сюда в составе отрядов римской Мезийской армии начиная со второй половины II в. (одним из первых об этой связи говорил еще в начале XX в. М. И. Ростовцев [45, с. 35, 41]). Известно, что фракийцы широко привлекались к службе римлянами (исследованию их верований в этот период посвящены названные выше работы Н. И. Соловьянова). По мнению П. Д. Диатроптова [18], образ Героя-Всадника пришел на Боспор извне и нашел здесь благоприятную почву, получив своеобразную местную трактовку. Известный исследователь античного Причерноморья С. М. Крыкин полагает, что иконография боспорских votивных изображений могла быть инспирирована Фракийским Всадником, хотя однозначно утверждать это в настоящее время не представляется возможным, и вопрос остается открытым [30]. Сравнительный анализ иконографии и вопросы этнической принадлежности рельефов Фракийского Всадника на античном Боспоре рассмотрели отечественные ученые С. М. Крыкин [28; 29], Н. Н. Бритова [3], В. И. Пругло [42], П. Д. Диатроптов [19], В. М. Зубарь [22; 23] и др.

Стоит отметить, что историография не обнаруживает единства и по такому важному вопросу как определение истоков образа Фракийского Всадника.

Многие историки склонны к утверждению автохтонного происхождения конника. Так, например, З. Гочева, основываясь на надписях, сопровождающих некоторые вотивные изображения, найденные на территории Фракии, доказывает, что они содержат имена местных божеств и происходят от названий того региона, где почитался их культ [8, с. 157-158]. Феномен Фракийского Всадника считают типично фракийским явлением М. Опперманн [85], Х. Данов [14; 15; 16].

В 1940-1960-е гг. высказывались предположения о кельтском влиянии на формирование образа Всадника (Д. Дечев [17], М. Римшнайдер [43]). Назывались также крито-микенская (наиболее ранняя), северо-европейская и восточно-европейская (поздняя, иранская, включая сюда и скифов) культуры как участвовавшие в формировании облика бога-Всадника [44; 59; 89].

Согласно другой, весьма распространенной точке зрения, образ конника во Фракии инспирирован эллинистической традицией – его прообраз был заимствован либо через Ионию и Аттику (Н. Н. Бритова и др.), либо из Малой Азии (Г. Тончева и др.). О прямой связи с греческим искусством говорится в монографии Э. Уилла [95], где автор делает вывод о том, что Фракийский Всадник является позднейшим вариантом греческого Героя (Хероса).

Ряд исследователей убеждены в том, что Фракийский Всадник представляет собой яркий пример синкретизма древней фракийской, восточной, греческой и римской культурных традиций. Не приводя здесь перечень работ сторонников этой точки зрения по причине его внушительных размеров, отметим лишь, что одним из первых идею синкретизма выдвинул И. Венедиков в уже упомянутой работе 1963 г. [94].

Таким образом, происхождение Фракийского Всадника является на настоящий момент одной из важных дискуссионных тем исторической науки.

Обзор историографии проблемы Фракийского Всадника был бы неполным без упоминания работ, посвященных фракийскому влиянию первых веков новой эры на культуру Циркумпонтийского региона. Речь идет в первую очередь о феномене так называемого Дунайского Всадника, которому уделили внимание отечественные историки (А. Н. Щеглов [64], М. И. Вязьмитина [6], Ю. П. Калашник [25], Н. И. Соловьянов [48] и др.), а также зарубежные (здесь, прежде всего, следует назвать фундаментальный труд Д. Тюдора [93]).

Завершая краткий обзор историографии, необходимо сказать также о тех работах, без знания которых исследование феномена Фракийского Всадника было бы затруднительно. Это общие научные произведения по истории древней Фракии, в том числе ее политических, социальных, культурных и религиозных аспектов (Х. Данов [14; 15], И. Венедиков [5], М. Тачева (Тачева-Хитова) [53; 54; 55; 92], А. Фол [60; 61; 62; 63], А. Фол и И. Маразов [74], Г. Михайлов [37; 83; 84], М. Русева [47], Д. Попов [41], Т. Д. Златковская [20; 21], Т. Спиридонов [51] и др.).

Таким образом, изучение вопросов, связанных с фракийскими изображениями конников, велось на протяжении более чем столетнего периода. Многочисленные работы принадлежат как отечественным, так и зарубежным авторам. Среди последних значительную активность проявляют болгарские исследователи, чей интерес к истории Фракии, множество археологических памятников которой находятся на территории современной Болгарии, вполне объясним. Однако чрезвычайно важной представляется необходимость комплексного научного рассмотрения феномена Фракийского Всадника. Оно должно включить в себя изучение причин появления данного героя на рельефах, исследование сущности и назначения памятников, а также максимальное приближение к постижению идеологических концепций древних скульпторов с учетом социальных, политических и культурологических реалий в сложно меняющейся этнополитической обстановке длительного периода IV в. до н.э. – IV в. н.э. в обширном регионе Причерноморья.

Список литературы

1. **Ботева Д.** Изображения-раскази върху оброчните релефи на Тракийския конник: I: Херосът в света на боговете (анализ на база данни) // Jubilaeus. III: сборник в памет на проф. Б. Геров. София, 2000. С. 22-43.
2. **Ботева Д.** Тракийският Херос в системата на тракийския пантеон // Jubilaeus. I: юбилеен сборник в памет на акад. Д. Дечев. София, 1998. С. 23-27.
3. **Бритова Н. Н.** Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. 1948. № 22. С. 53-56.
4. **Венедиков И.** Тракийският конник // Векове. 1972. № 4. С. 3-14.
5. **Венедиков И., Герасимов Т.** Тракийското изкуство. София: Български художник, 1973. 408 с.
6. **Вязьмитина М. И.** Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969. С. 119-134.
7. **Гергова Д.** Обредът на обезсмъртяването в Древна Тракия. София: Агато, 1996. 272 с.
8. **Гочева З.** Антропоморфные изображения богов у фракийцев // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 156-159.
9. **Гочева З.** Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота // Studia Thracica. I: Фрако-скифские культурные связи. София: Издательство Болгарской Академии наук, 1975. С. 142-153.
10. **Гочева З.** Култът на Тракийския конник на територията на гетите // Североизточна България: древност и съвремие: първи национален симпозиум (26-28 февруари 1982, Толбухин). София, 1985. С. 189-198.
11. **Гочева З.** Погребалните обичаи на траките и вярата им в безсмъртието // Надгробните могили в Югоизточна Европа: първи международен симпозиум «Севтополис» (4-8 юни 1993, Казанлък). Велико Търново, 1994. С. 25-32.
12. **Гочева З.** Проблеми на култа и иконографията на Тракийския конник // Балкански древности. 1992. № 2. С. 67-70.
13. **Гочева З.** Разпространение на култа на Тракийския конник в Северното Черноморие // Югоизточна Европа през античността VI в. пр. Хр. – началото на VII в. сл. Хр. Studia in honorem Aleksandrae Dimitrova-Milcheva. София, 2008. С. 161-165.
14. **Данов Х.** Древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1969. 465 с.

15. Данов Х. Траки. София: Народна просвета, 1982. 183 с.
16. Данов Х. Характер и значение на гръцката колонизация по западния бряг на Черно море // Археология (НРБ). 1969. № 1. С. 13-21.
17. Дечев Д. Тракийският Херос като бог-ловец // Списание на Българската Академия на науките и изкуствата. 1945. Кн. 70. С. 185-199.
18. Диатроптов П. Д. Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М.: ГИМ, 2001. С. 78-86.
19. Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.: Индрик, 2001. 135 с.
20. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. VII-V вв. до н.э. М.: Наука, 1971. 258 с.
21. Златковская Т. Д. К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 21-31.
22. Зубарь В. М. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1988. С. 148-165.
23. Зубарь В. М., Крапивина В. В. По поводу этнической принадлежности так называемых вотивных плиток фракийского круга из Таврики // Античный мир и археология. 2002. № 11. С. 195-199.
24. Издмирски М. Конникът в предримска Тракия и Ахеменидската империя // Образ и култ в Древна Тракия. Аспекти на формирането на тракийския образен език / ред. Д. Ботева-Боянова. София: Фабер, 2006. С. 225-260.
25. Калашник Ю. П. Херсонесский памятник культа дунайских всадников // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Т. 28. С. 167-173.
26. Кацаров Г. Принос към религията на тракийският конник // Списание на Българската Академия на науките и изкуствата. 1934. Кн. 48. С. 2-20.
27. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М.: Наука, 1977. 152 с.
28. Крыкин С. М. Вотивный барельеф Фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // Вестник древней истории. 1990. № 1. С. 74-79.
29. Крыкин С. М. К вопросу о существовании культа Конного Героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях / ред. Г. А. Кошеленко. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. С. 30-45.
30. Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.
31. Маразов И. Героят в изображенията от Рогозенското съкровище // Проблеми на изкуството. 1987. № 2. С. 27-32.
32. Маразов И. За семантиката на изображенията в гробницата от Свещари // Изкуство. 1984. № 4. С. 28-38.
33. Маразов И. Мит, ритуал и изкуство у траките. София: Секор, 1992. 216 с.
34. Маразов И. Пластическа характеристика на тракийския оброчен релеф // Проблеми на изкуството. 1968. № 1. С. 39-46.
35. Маразов И. Сюжетът «лов на глиган» в колана от с. Ловец // Археология (НРБ). 1975. № 2. С. 30-42.
36. Михайлов Г. Проблеми на тракийската митология // Векове. 1975. № 4. С. 5-14.
37. Михайлов Г. Траките. София: Държавно военно издателство, 1972. 330 с.
38. Оперман М. За оброчните плочки на ловуващия тракийски конник от римската епоха в България // Археология (НРБ). 1970. № 2. С. 19-32.
39. Оперман М. Към хронологията и класификацията на паметниците на тракийския конник от тип А // Археология (НРБ). 1973. № 3. С. 1-14.
40. Попов Д. Конят и колесницата в тракийската царска идеология // Известия на Българското историческо дружество. 1986. № 38. С. 113-143.
41. Попов Д. Тракийска религия. София, 2014. 415 с.
42. Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира / отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 177-182.
43. Римшнайдер М. Атрибутите на тракийския конник-бог // Археология (НРБ). 1962. № 2. С. 75-79.
44. Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum: сборник статей по археологии и византиноведению, издававшихся семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага: Политика, 1927. Т. 1. С. 141-146.
45. Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Годоре // Известия археологической комиссии. 1911. Вып. 40. С. 1-42.
46. Ростовцев М. И. Эллинизмо и иранство на юге России. 2-е изд-е. М.: Книжная находка, 2002. 160 с.
47. Русева М. Тракийска култова архитектура. Ямбол, 2000. 202 с.
48. Соловьянов Н. И. О культах Асклепия, Аполлона, Сильвиана и Дианы в частях нижнедунайского лимеса в I-III вв. // Семья в античности и в Средние века: сборник научных статей. Красноярск, 1999. С. 55-72.
49. Соловьянов Н. И. О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I-III вв. н.э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвузовский сборник научных трудов. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. С. 46-55.
50. Соловьянов Н. И. Сакральные представления воинов римской армии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 95-99.
51. Спиридонов Т., Георгиева Р., Рехо М. Етнология на траките. София: Издателство университет «Св. Климент Охридски», 1990. 247 с.
52. Стоянов Т. За иконографията и семантиката на женските изображения в паметниците на Тракийския конник // Векове. 1987. № 1. С. 18-30.
53. Тачева М. Власт и социум в Римска Тракия и Мизия. София: Вулкан-4, 2000. 263 с.
54. Тачева-Хитова М. Древняя Фракия и Юго-Восток Европы. София: София-Пресс, 1976. 87 с.
55. Тачева-Хитова М. История на източните култове в Долна Мизия и Тракия. V в. пр. н.э. – IV в. от н.э. София: Наука и изкуство, 1982. 520 с.
56. Тончева Г. Об иконографии и характере фракийского Хероса из Одессоса // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София, 1963. С. 71-80.
57. Топоров В. Н. Дерево жизни // Мифы народов мира: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 398-406.
58. Топоров В. Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения. М., 1992. Т. 1. С. 3-32.
59. Филов Б. Тракийско-микенские отношения // Сборник в чест на проф. Ив. Д. Шишманов. София, 1920. С. 40-53.

60. Фол А. Политика и культура на древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1990. 272 с.
61. Фол А. Политическа история на траките. София: Наука и изкуство, 1972. 216 с.
62. Фол А. Тракийската култура: казано и премълчано. 2-е изд-е. София, 1998. 167 с.
63. Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София: Наука и изкуство, 1975. 270 с.
64. Щеглов А. Н. Фракийские почитательные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье: материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1969. № 150. С. 135-177.
65. Alexandrescu-Vianu M. Remarques sur l'heroisation thrace // Dialogues d'histoire ancienne. 1980. Vol. 6. P. 101-111.
66. Boteva D. A propos des "secrets" du Cavalier Thrace // Dialogues d'histoire ancienne. 2000. Vol. 26. № 1. P. 109-118.
67. Boteva D. The Heroes of the Thracian Iconic Narrative: a Data Base Analysis // Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology. Thrace and the Aegean (September, 2000). Sofia, 2002. Vol. 2. P. 817-822.
68. Corpus cultus equitis Thracii (CCET): 5 vols. Leiden: Brill, 1979-1984.
69. Delev P. Observations sur le Cavalier Thrace // Pulpudeva. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace. 1998. № 6. P. 129-135.
70. Delev P. Thracian Beliefs in Afterlife // Thracia. XIX. In Memory of Ivan Venedikov. Sofia, 2011. P. 159-167.
71. Dimitrova N. Inscriptions and Iconography in the Monuments of the Thracian Rider // Hesperia. 2002. № 71. P. 209-229.
72. Dumont A. Exposé sommaire des principaux résultats d'un voyage archéologique accompli en Thrace en 1868 (Provinces d'Europe, de Thrace, d'Hémimont et de Rhodope) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1869. 13e année. P. 151-162.
73. Fol A. Rapports entre la culture grecque et le monde thrace // Travaux du VI-e Congrès International d'Etudes Classiques. Madride, 1974. București – P., 1976. P. 267-272.
74. Fol A., Marazov I. Thrace and the Thracians. L.: Cassell, 1977. 160 p.
75. Gočeva Z. Les épithètes du Cavalier Thrace // Linguistique balkanique. 1992. № 3-4. P. 155-180.
76. Gočeva Z. Les traits caractéristiques de l'iconographie du Cavalier Thrace // Bulletin de correspondance hellénique. 1986. № 14. P. 137-145.
77. Gočeva Z. Organization of Religious Life in Odessos // Kernos. 1996. № 9. P. 121-127.
78. Gočeva Z. Particularités de l'iconographie du Cavalier Thrace à Odessos et dans son territoire // Pulpudeva. 1997. № 6. P. 121-129.
79. Gočeva Z., Oppermann M. Monumenta inter Danubium et Haemum reperta. Durustorum et Vicinia, regio oppidi Tolbuhin, Marcianopolis et Vicinia, regio oppidi Šumen // Corpus cultus equitis Thracii. Leiden: Brill, 1981. Vol. 2 (1). S. 1-176.
80. Gočeva Z., Oppermann M. Monumenta inter Danubium und Haemum reperta. Regio oppidi Targovište, Abritus et Vicinia, Sexaginta Prista et Vicinia, Nicopolis ad Istrum et Vicinia, Novae // Corpus Cultus Equitis Thracii. Leiden: Brill, 1984. Vol. 2 (2). S. 1-142.
81. Gočeva Z., Oppermann M. Monumenta Orae Ponti Euxini Bulgariae. Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain // Corpus cultus equitis Thracii. Leiden: Brill, 1979. Vol. 1. S. 1-122.
82. Kazarow G. Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmány Universität, 1938. 190 S.
83. Michailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae: 5 vols. Serdicae [Sofia]: In aedibus typographicis Academiae litterarum Bulgaricae, 1956-1970.
84. Mihailov G. Épigramme funéraire d'un Thrace // Revue des études grecques. 1951. № 64. P. 104-118.
85. Oppermann M. Der Thrakische Reiter des Ostbalkanraumes im Spannungsfeld von Graecitas, Romanitas und lokalen Traditionen. Langenweißbach: Beier & Beran, 2006. 414 S.
86. Oppermann M. Der Thrakische Reiter und Sabazios // Jubilaeus. V: сборник в памет на Карел и Хермингелд Шкорпил. София, 2007. С. 39-44.
87. Oppermann M. Zum Kult des Thrakischen Reiters in Bulgarien // Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum. Serdicae, 1974. S. 353-362.
88. Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs: 2 vols. Mainz: von Zabern, 1977.
89. Rostovtseff M. Une statuette en bronze doré acquise en Chine représentant un cavalier chevauchant un lion // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1926. № 3. P. 156-157.
90. Sirbu V., Florea G. The Image of the Horseman in the Thracian Art (5th Century BC – 1st Century AD) // Старици. 2000. № 1. С. 23-43.
91. Stoyanov T. Le Cavalier et la Déesse. Observation sur une série de reliefs Thrace // Ktéma: Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. 1985. № 10. P. 273-285.
92. Tacheva-Hitova M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia (Vth Century BC – IVth Century AD). Leiden: Brill, 1983. 306 p.
93. Tudor D. Corpus monumentorum religionis equitum danuviorum: 2 vols. Leiden: Brill, 1969-1976.
94. Venedikov I. Le syncrétisme religieux en Thrace à l'époque romaine // Acta antiqua Philippopolitana. Serdicae, 1963. P. 153-166.
95. Will E. Le relief cultuel gréco-romain. Contribution à l'histoire de l'art de l'empire romain. P.: E. de Boccard, 1955. 492 p.

PHENOMENON OF THE THRACIAN HORSEMAN: PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Shchemelev Artem Vladimirovich
 Moscow City Teacher Training University
 artemvshchemelev@gmail.com

The article presents a survey of historiography on problems associated with the interpretation of the Thracian Horseman images on reliefs discovered within the territory of ancient Thrace. The works of many domestic and foreign historians of the end of the XIX – the beginning of the XXI century were devoted to the so called mystery of the Thracian Horseman but the comprehensive analysis of historiography on this issue has not been conducted yet. The paper presents a short survey of works on the mentioned subject matter; they can be conditionally classified into several groups depending on the aspects of the theme being covered.

Key words and phrases: ancient Thrace; religion; cult; the Thracian Horseman; votive and funeral reliefs; iconography.